

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Д72

Оформление переплета – *Ирина Драгунская*
Дизайн карт – *Юлия Курдибанская*

Драгунский, Денис Викторович.

Д72 Дело принципа : роман / Денис Драгунский. – Москва : Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. – 701 [3] с. – (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-099702-2

Денис Драгунский не раз отмечал, что его любимая форма – короткие рассказы, ну или, как компромисс, маленькая повесть. И вдруг – большой роман, да какой! Поместье на окраине Империи, юная наследница старого дворянского рода, которая своим экстравагантным поведением держит в страхе всю родню, молодые заговорщики, подброшенные деньги, револьвер под блузкой, роскошные апартаменты, дешевая квартирка на окраине, итальянский князь, русский учитель, погони, скандалы, умные разговоры – и постоянная изнурительная ложь, пронизывающая судьбы и умы Европы накануне Первой мировой войны. Роман-история, роман-метафора, роман-загадка.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-099702-2

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ГЛАВА 1

На кончик сосульки набежала капля. Набухла, сорвалась и полетела вниз.

Таять начинало в конце февраля.

Я становилась коленками на диван и смотрела в окно.

Окно выходило на улицу Гумбольдта. Напротив и чуть наискосок, правее, ближе к реке, был угловой дом, новомодный и тяжелый, темно-серый, с колоннами в виде плоских печальных женщин. На доме висела бронзовая памятная доска: «На этом месте был старинный постоялый двор, der alte Gasthof, где в 1805 — 1818 годах останавливался великий ученый и дипломат Вильгельм фон Гумбольдт» — и сверху профиль господина с кудряшками, в овале, оплетенном лавровыми ветвями — тоже бронзовыми, как вы уже поняли. В первом этаже там была кофейня «Трианон».

А прямо напротив нас, окна в окна, была гостиница, которой владела семья Альдемарески. Она так и называлась — «Отель Альдемарески». Очень древняя итальянская фамилия, это папа сказал. Но совсем не знаменитая — объяснил папа. Сошли со сцены еще

в пятнадцатом веке. Последний Альдемарески запомнился лишь потому, что его надгробие изваял Антонио Бамбоччи — тоже, кстати говоря, не самый великий итальянский скульптор.

Фамилия Альдобрандески или тем более Альдобрандини — гораздо лучше. Но где взять такую? Папа сказал: «Вырастешь, поедешь в Италию, выйдешь в тамошний свет, и чем черт не шутит, а?»

Хотя ладно, чего уж теперь.

В конце февраля слоистый жгут слежавшегося снега, который нависал над окном нашей гостиной, вдруг покрывался тончайшей ледяной корочкой. Корочка толстела, пузырилась, прогибалась книзу и превращалась сначала в короткую, а потом в длинную прозрачную сосульку. Недолгие полчаса, когда солнце на нее светило, она сверкала, как хрустальная подвеска на люстре.

Я становилась коленками на диван и смотрела на сосульку. Следила за ней.

Дня через три на кончик этой сосульки набегала первая капля.

Это окно — именно вот это окно нашей гостиной, широкое, четырехстворчатое, с полукруглым верхом — было, можно сказать, главным окном всего фасада. Над ним был широкий лепной карниз. Поэтому снег там задерживался, пока не стаивал совсем. На других окнах были крыши домиком, сверху покрытые цинком, и снег оттуда скатывался сам. А тут получался целый маленький сугроб — и как его убрать? Не посылать же дворника в квартиру этажом выше, чтоб он раскрывал окно и, перегнувшись через подоконник — с которого сначала надо было бы снять цветы или статуэт-

ки — метелкой и лопаткой счищал снег? Это крайне невежливо, обращаться к соседям с такой просьбой. Тем более что там жил какой-то важный государственный чиновник, мне папа говорил. Но и вообще немыслимо! Я бы, например, ни за что не пустила соседского слугу, чтоб он из нашего окна чистил снег на своем карнизе.

Карниз украшал пышный рельеф, целая скульптурная группа. Сатир и нимфа, которые сплели руки, то ли отнимая друг у друга виноградную гроздь, то ли, наоборот, угощая. Сатир угощал нимфу и широко улыбался своим некрасивым театральным ртом. Почему театральным? Потому что его лицо было похоже на греческую театральную маску из книги Буркхарта и Телленберга «Античная мифология». А нимфа стыдливо закатывала глаза.

Оба были голые. Но у сатира был большой фиговый лист. А нимфа сверкала выпуклым треугольником лобка. У нее был толстый животик и круглые ляжки, и лобок как-то особенно топырился — наверное, из-за того, что эти фигуры два раза в год белили чем-то густым, замешанным на меду, наверное. Но старые слои не скабливали, и от этого нимфа становилась все крутобедрее и грудастее, а сатир — всё носатее и мускулистее; а если честно — оба становились всё жирнее.

Я брала дедушкин бинокль и выходила на улицу. В бинокль я рассматривала всю эту лепнину. Мне хотелось разглядеть, что там у сатира под фиговым листком. Мне было интересно, как работал скульптор. Сначала вылепил ему пипиську, а потом сверху приделал лист? Или, подлый бездельник, сразу сделал этот разлапистый листок, лишив сатира его мужественности, — ибо одной развязной улыбкой нимфу не покоришь.

Сколько мне было лет, когда я первый раз нацелилась биноклем на сатировы скрытые красоты? Десять? Одиннадцать? Двенадцать? Нет, двенадцати еще не было, кажется. Но я была *деревенской барышней*. Мне были отлично известны все эти вещи, от которых городские барышни краснеют, заикаются, падают в обморок, а иногда их даже вырвать может — честное слово, одну мою здешнюю подружку натурально стошнило, прямо на платье и на ковер, когда я рассказала ей про некоторые жизненные подробности, которые ей непременно предстоят.

Да. Мне было уже одиннадцать лет, была осень, я стояла на тротуаре, разглядывая в бинокль карнизы и колонны нашего дома.

Вдруг кто-то спросил:

— А что это там барышня высматривает?

Я отняла бинокль от глаз и повернулась. Сзади стоял высокий старик в шляпе и тонком темно-сером пальто. Он, наверное, подумал, что я подсматриваю в чужие окна.

— Это наш дом, — сказала я. — Вернее, съемный. Мы снимаем квартиру во втором этаже. Сначала хотели в бельэтаже, но тут бельэтаж низковат, вы же видите. Сами подумайте, какой интерес выглядывать в окно и видеть крыши карет и шляпы кучеров! Так сказал папа, и я с ним полностью согласна. Да, бельэтаж оказался низковат, к сожалению. Но дом хорош. Слава богу, точно такой же апартамент сдавался этажом выше. Выше бельэтажа, я хочу сказать. Вот там мы и живем.

Старик похвалил наш выбор и окольным манером поинтересовался, богат ли мой отец и вообще кто мы такие. То есть сказал, что мы наверняка знатны и богаты, и посмотрел на меня искоса.

— Не особенно, — сказала я. — Мы не герцоги, не графы, не банкиры и не магнаты. Но тем не менее в деньгах не нуждаемся и ни перед кем не шаркаем шляпой по мостовой, фигурально выражаясь. Не торчим ни в чьих передних. Мой папа — землевладелец и дворянин. Дедушка тоже. И так далее, — я опустила бинокль, он повис на ремешке у меня на шее. — Наш род берет начало... Фу, да какая разница, от кого он берет начало? Мы вообще-то живем в деревне. В уезде Кампорум-Сильварум (я нарочно выдумала такое название, по-латыни — «полевой и лесной»). Двести десять верст к северо-востоку, — и я махнула рукой в сторону, чуть левее. — Меня зовут Адальберта-Станислава Тальницки унд фон Мерзебург. К сожалению, у меня нет с собой визитки.

— Очень приятно! — сказал старик. — А у меня как раз есть визитка...

Он расстегнул пальто и достал бумажник из внутреннего кармана.

— Не трудитесь, — сказала я. — Зачем мне знать ваше имя?

— Но вы же назвали свое, — возразил он.

— Вы все равно его забудете! — засмеялась я.

Старик подмигнул и сказал, что воры часто смотрят в бинокль на окна.

Я даже ногой топнула.

— Мой папа — дворянин и богатый человек, повторяю! Вы решили, что я воровка?

— О, нет! — старик прижал руку к сердцу. — Ничуть, милая барышня. Миллион извинений!

Но отвязаться от воров с биноклями он не мог.

— Особенно часто это бывает по вечерам, — говорил он. — Воры с биноклями выходят на охоту, когда

в домах зажигаются люстры и лампы. Воры высматривают, что висит на стенах. У нас в Штефанбурге, — говорил старик, — очень много богатых домов, но вот что самое интересное! Самое интересное и даже невероятное — что даже в небогатых квартирах, в скромных квартирах совсем обыкновенных, заурядных людей на стенах висят замечательные картины, драгоценные картины...

— Отчего так? — удивилась я.

— Если барышня соблаговолит пойти со мною выпить кофе со сливками и съесть пирожное в ближайшей кофейне — вот она, вот, на углу, видите, кофейня «Трианон» — то я расскажу барышне, откуда у простых обывателей Штефанбурга на стенах вдруг попадают истинные шедевры великих мастеров прошлого. О, вы еще не знаете, что за город Штефанбург, сколько здесь тайн хоронится в каждом доме... Да и в каждом сердце! Пойдемте, выпьем кофе.

— Ну да! А потом барышню найдут в парке, в сухом пруду, забросанную листвой и ветками, зверски убитую и объединенную бродячими кошками? Да? — закричала я, отступив на два шага и доставая из кармана своего бархатного пальто бронзовый разрезальный нож для книг с перламутровой ручкой и узорами на лезвии (если только можно назвать лезвием эту тупую округлую пластину). — Прочь, престарелый маниак! Или я кликну дворника! Дворника мы привезли с собою, он каминную кочергу завязывает узлом. Игнатий! Игнатий! — но я звала нарочно негромко, и старик это понял.

Старик распылся в лстивой и отчасти сладострастной улыбке:

— О, я вижу настоящую степную помещицу! Настоящую сельскую госпожу! Барышня, не надо ходить со

мной в кафе, вы можете постоять здесь, а я велю принести столик прямо сюда. Столик, два стула, два пледа и две жаровни, угодно ли? И, конечно, кофе.

— Угодно, — сказала я. — И пирожное. Эклер с коричневым кремом и клубничным соусом. Кофе без сливок. Некрепкий. Поздний час, господин... Как вас?

— Вы же сами отказались узнать мое имя!

Я пожалала плечами. Он рассмеялся и замахал рукой.

Швейцар, стоявший у дверей кофейни «Трианон», заметил его, кивнул, повернулся, отворил дверь и махнул рукой кому-то внутри. Через полминуты на пороге появился официант. Старик что-то показал ему движениями ладоней и пальцев — было похоже на жесты, которыми разговаривают глухонемые.

Еще через полминуты на тротуаре уже стоял столик, два легких стула с подлокотниками — два полу-кресла, собственно говоря, одно против другого — и две жаровни, тоже одна против другой, так что по обе стороны каждого кресла, получилось, стояли бронзовые треножники с медными тарелками, прикрытыми дырчатыми полушариями, источавшими жар и легчайший дымок яблоневого угля.

— Весьма кстати, — сказала я, усаживаясь в кресло и подставляя плечи пледу, который на меня накидывал официант. — Холодает.

— Значит, вы приезжаете в Штефанбург на зимние месяцы?

— На оперный сезон, — сказала я.

— О! — сказал он. — Абонируете ложу?

— Именно. А вы бываете в опере?

— Нет, дорогая барышня... простите, я запомнил ваше имя, Альбертина...

— Я же сказала — забудете! Вот и забыли! Вот и от-лично! Отчего же вы не ходите в оперу? Вам скучно, у вас нет своей компании, своего круга? Или, — я пере-шла на шепот, — дороговато?

— И то, и другое, и, главное, третье, — сказал ста-рик. — Я не очень люблю музыку. Вернее, люблю, но так, разные шансонетки. Или марши. Бум-брум-ла-дада-дум! Но в опере мне высидеть трудно. Я ходил в оперу, когда был... когда жил и служил в Вене. А здесь, честно скажу, ни разу не был. Хотя здешнюю оперу очень хва-лят. Но вот как-то пока не вышло. Но, быть может, я все же соберусь. Специально чтоб еще раз увидеть вас, чу-десная барышня, не желающая повторить свое имя...

— Не стоит, высокоуважаемый забывчивый госпо-дин, — сказала я.

Меж тем принесли кофе и пирожные.

— Отчего же нет? — улыбнулся он. — Было бы мило раскланяться в фойе. А что бы вы рекомендовали по-смотреть? Что вы сами недавно смотрели?

— *Послушать, послушать!* — сказала я строго. — Оперу не смотрят, а слушают. В отличие от балета. Вот недав-но мы слушали оперу «Nathalie Pouchkine», какого-то новейшего итальянского композитора. Точно не пом-ню. То ли Умберто Джордано, то ли Джакомо Пуччини. Поразительный сюжет и чудесные голоса. Историче-ская опера из русской жизни, не хуже джордановской «Федоры», нет, правда! Вы знаете, кто такая Натали?

Старик помотал головой, пристально на меня глядя.

— Это жена великого русского поэта Александра Пушкина. Слыхали? Нет? О, боже! Впрочем, все может быть. Я равнодушна к России, потому что наполови-ну славянка. Но не полька. Поляки-то как раз ненави-дят русских. Вы ведь тоже славянин?

— Нет. Немец.

— Ach, unglaublich! Sie sind so fließend in unserer Sprache!*

— Благодарю, — сказал он. — Вернемся к опере?

Честно говоря, я совсем не понимала музыки. Но в оперу ходить просто обожала. Ложа. Конфеты. Апельсины. Прогулки по фойе. Все раскланиваются друг с другом. Папа шепчет: «Граф такой-то; генерал такой-то; знаменитый поэт такой-то». Кое-кто подходит к нам. Кое к кому — мы. Знакомимся. Пожилая дама треплет меня по щечке. Юный поручик склоняет голову с бритвенной тонкости пробором, жмет мне руку. Восхитительный буфет с мороженым в мельхиоровых вазочках. И замечательные сюжеты! Я внимательно читала либретто в узких светло-бежевых книжечках и всегда следила за действием. Поэтому певцы меня часто раздражали.

— Ах, какая опера, — рассказывала я. — Как жаль, что я не могу напеть вам несколько мелодий, я совсем не музыкальна, увы... Но я расскажу вам сюжет. Для начала — действующие лица. Русский царь Николай. Граф Бенкендорф, правая рука царя. Барон Геккерн, посланник нидерландского двора в России. Жорж Дантес, его приемный сын, офицер на русской службе. Натали, жена знаменитого поэта Пушкина. Катерина, ее сестра. Ну и конечно, придворные дамы, камергеры, офицеры и все такое.

— А где же сам великий поэт Пушкин? — спросил старик.

— А вот самого Пушкина там нет, — сказала я. — Ведь опера не про него, а про его жену! Итак. Занавес от-

* Ах, невероятно! Вы так свободно говорите на нашем языке! (нем.)

крывается. Красивейшая декорация — зеленые стены и белые узоры, узкие окна и огромные люстры. Бал в царском дворце. Выходит граф Бенкендорф и сообщает о прибытии царя. Хор придворных поет русский гимн «Боже, царя храни» (тут я немножко всё-таки напела). Входит царь. Поднятием руки он приветствует собравшихся и начинает польку, идя в паре с красавицей Натали.

И тут входят посланник Геккерн и поручик Дантес. Баритон и тенор. Они поют про жизнь в бескрайней морозной стране. То есть у них такой дуэт. Поют про жестокость русского царя и про придворных дам, что они все — пожилые наруганные кокетки. И вот к ним подходит граф Бенкендорф, слушает их. И поет свою арию. Сначала так: «*Умолкните, клеветники России!*» Музыка очень громкая и страшная, а он поет еще громче, почти как Мефистофель: «*Le veau d'or est toujours debout!*»* — ну, помните? Роскошный баритон, настоящий русский голос. Певец, кстати, русский. Забыла фамилию. Но очень, очень знаменитый! Пауза, аплодисменты. Но потом, как будто бы прочитав строгую нотацию двум наглým иностранцам, он смягчается, улыбается и обращается к поручику Дантесу: «*О, ты еще полюбишь наш дивный холодный край, где девы цветут, как розы на снегу!*» Барон Геккерн просит Бенкендорфа представить царю Дантеса.

Старик смотрел на меня, не отрывая глаз, время от времени отковыривая ложкой кусочки пирожного и запивая маленькими глотками кофе.

У него были крепкие белые зубы.

* Первая строка «Куплетов Мефистофеля» из оперы Гуно «Фауст». «Златой телец стоит» (*франц.*). Русский перевод: «На земле весь род людской чтит один кумир священный...»

А я продолжала:

— Рядом с царем стоит красавица Натали. Дантес поражен ее красотой. Дантеса представляют и ей. Улучив момент, он спрашивает ее — кто она? Натали — великолепное итальянское сопрано! — отвечает: *«Мой муж — лучший русский поэт, его любит царь, ему рукоплещет народ, но жить с ним — скука смертная: он или пишет стихи, закрывшись в кабинете, или веселится с приятелями-поэтами. Я для него лишь красивая игрушка»*. — *«Ах, если бы позволили вы мне развеять вашу скуку, Натали!»* — дерзко предлагает Дантес. *«У вас не получится!»* — *«Ах, отчего же?»* — спрашивает Дантес. *«Я мать троих детей, я добрая жена, я мужу отдана, навек ему верна!»* — *«Но дайте же мне шанс!»* — *«Шансы не просят, их берут...»* — отвечает Натали. И вот тут занавес.

— Хорошо сказано, — усмехнулся старик. — Верно. Насчет шансов так оно и есть.

— Действие второе, — продолжала я. — Картина первая. Площадь перед домом барона Геккерна. Вдали виднеется царский дворец. Падает снег.

«Что ты наделал?» — спрашивает Геккерн у Дантеса. — *«Царский любимец Пушкин вызвал тебя на дуэль!»* Дантес отвечает, что влюблен в Натали и чувствует взаимность. Но Геккерн обеспокоен: *«Здесь азиатские нравы. Это кончится плохо»*.

На сцену въезжает настоящая карета! С конями! Из нее выходит граф Бенкендорф. Он говорит, что у Дантеса есть единственный выход — сделать предложение Катерине Гончаровой, сестре Натали: тогда Пушкин откажется от своего вызова. Дантес говорит, что Катерине уже двадцать шесть и она ему не нравится. *«Тебе все равно конец»*, — отвечает Бенкендорф. — *«Пушкин отличный стрелок, но, если он, паче чаяния, промахнется —*